

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ О ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

шОМТѢ

Роль общественного мнения в формировании государственной политики, тем более в такой сложной и далекой от повседневных интересов большинства граждан сфере, как внешние сношения и дипломатия, в российской истории редко когда была определяющей. Ревниво оберегая свои прерогативы, отечественные власти лишь в исключительных случаях были вынуждены прислушиваться к мнению широких слоев населения, обычно исключенных из процесса принятия государственно значимых решений. Тем более что иметь мнение по вопросам «высокой политики» дозволялось лишь ограниченному кругу россиян: в период самодержавия – только родовитейшему и богатейшему дворянству, после великих реформ середины XIX века – образованным и зажиточным слоям населения, в советское же время это было возможным только для высшей партноменклатуры и «партийной интеллигенции». Но и эти узкие слои, представавшие в те моменты истории носителями «общественного мнения», лишь изредка оказывали значительное влияние на поведение власти.

Впрочем, примеры такого влияния, иногда весьма действенного, нетрудно привести. Так, в самом конце XVIII решительное нежелание дворянства жертвовать своими торговыми связями с Англией ради задуманного Павлом I союза с республиканской Францией подготовило свержение и убийство царя с последующим возвращением России в лагерь антифранцузской коалиции. В конце 1870-х гг. славянофильские настроения образованных россиян, выступивших в поддержку Болгарии, ввергли нашу страну в очередную войну с Турцией, совершенно ненужную тогдашнему государю и перенапрягшую не только бюджет страны, но и ее отношения с сильнейшими державами Европы.

Конечно, следует напомнить и о прямо противоположных ситуациях, когда власть либо вообще не считалась с мнением своих подданных по вопросам войны и мира, либо активно воздействовала на общественное мнение с целью оправдать в глазах россиян те или иные свои действия. Хрестоматийный пример – поведение Петра II, единоличным решением обесценившего все усилия, приложенные страной в ходе Семилетней войны, и отказавшегося от плодов всех военных успехов ради удовольствия помочь своему кумиру – прусскому

королю Фридриху Великому. Не менее нелепо и абсурдно выглядела резкая смена акцентов в советской внешней политике в 1939 г., когда госпропаганда в одночасье преобразила вчерашних германских фашистов в новых друзей СССР, объявив вражеской провокацией любые рассуждения о неминуемости скорого нападения Гитлера на нашу страну. А в 1979 г. советское руководство, до этого упрекавшее США в неокOLONIALИЗМЕ и стремлении похоронить разрядку, ввело войска в Афганистан, оказавшись перед необходимостью объяснять оправданность и целесообразность такого шага не только мировому сообществу, но и собственным гражданам. Тогда пошли в ход явно фантастические рассуждения об «интернациональном долге» и необходимости «сорвать американские планы агрессии против демократического Афганистана».

В тех случаях, когда мнение большинства нации откровенно игнорировалось, а для объяснения мотивов принятого единолично решения использовались надуманные и неправдоподобные аргументы, последствия нередко были печальными для их авторов. Советское руководство так уверовало в собственную пропаганду, что оказалось катастрофически неготовым к событиям июня 1941 г. Пощечина тогдашнему общественному мнению (в лице двора, армии и церкви), нанесенная Петром II, весьма ускорила его свержение с престола и последующее убийство. А война в Афганистане стала последним военным предприятием агонизировавшего Советского Союза, существенно приблизившим крах «реального социализма» и «мировой социалистической системы».

Неверным, однако, было бы считать, что следовать общественному мнению для политика – это главный рецепт успеха, обеспечивающий не только долгое пребывание у власти, но и возвышение руководимого им государства. Особенную слабость эта точка зрения обнаруживает при ретроспективном анализе внешнеполитических решений. Брестский мир, заключенный по настоянию Ленина, чуть не расколол правящую партию большевиков, и подтвердил подозрения многих русских патриотов, что большевики – немецкие агенты. Но – в результате прекратилась война, от которой изнемогала Россия, укрепилось созданное большевиками новое государство, а империалистическую Германию все равно ждало скорое поражение и революция, после которой Москва вернула с лихвой все потерянное в Бресте. Если бы Рузвельт в 1940-1941 гг. исповедовал политику изоляционизма, популярную не только среди простых американцев, но и у преобладающей части политической и деловой элиты США, создание антифашистской коалиции, а с ним и разгром Гитлера были бы отсрочены как минимум на несколько лет. Нежелание американцев ввязываться в далекие от их интересов и понимания «европейские разборки» настолько очевидно для исследователей, что многие из них подозревают президента в сознательном попустительстве подготовке японского нападения на Перл-Харбор. Иначе,

по их мнению, нация не позволила бы Рузвельту вступить в войну с «осью». Решимость Де Голля вывести войска из Алжира, обрекая на изгнание несколько миллионов французов, а самого президента – на многочисленные покушения на его жизнь, прекратила кровопролитную и бесперспективную войну, хотя и вошла в резкое противоречие не только с ожиданиями сторонников генерала, но и с самим образом великого патриота Франции.

Единство мнений общества и власти, таким образом, не может служить критерием правильности принимаемых внешнеполитических решений. Милитаристский настрой россиян («покажем этим япошкам!») в 1904 г., просербские и антигерманские настроения элит и масс в 1914 г. не только ввергли империю Романовых в тяжелейшие и бесславные войны, но и подготовили две российские революции, а в конечном счете – и гибель тысячелетней монархии. Антиюгославская предвзятость западных европейцев, их податливость к стенаниям «угнетаемых албанцев», вкупе с желанием элит Евросоюза утвердить свое влияние на всем континенте, привели к интервенции против Югославии – страны – члена ООН и ОБСЕ. Следствием стало ее фактическое территориальное расчленение и образование на Балканах под крылышком ЕС центра международной контрабанды и наркомафии, где практикуются этнические чистки и уничтожаются бесценные памятники мировой истории. Объявленный Рейганом и поддержанный большинством американцев «крестовый поход против империи зла» – СССР – в итоге привел к тому, что на американские деньги были подготовлены обученные кадры, созданы конспиративные сети, выращены харизматические лидеры мирового исламского террористического интернационала, которые десятилетием позже повернули оружие уже против своих прежних спонсоров и заказчиков.

Вопросы внешней политики были и остаются настолько сложными, запутанными, что общественное мнение, обычно концентрирующееся либо на самых важных, принципиальных вопросах жизни страны, либо, напротив, на сугубо второстепенных и малозначительных для большой политики, но почему-то очень важных и чувствительных для той или иной группы «опинионмейкеров», зачастую попадает с ними впросак. Можно выделить сразу несколько типов и уровней проблем, резко осложняющих учет общественного мнения при формировании внешнеполитических решений. Прежде всего, это низкая информированность общества о сути внешнеполитических проблем, а равно и о наличном потенциале средств и способов их решения. Очевидно, что далеко не обо всех тонкостях в столь деликатной сфере можно и нужно говорить непосвященным, – иллюзию ненужности и вредности «тайной дипломатии» оставим на совести обещавших отказаться от нее, но, конечно же, не выполнивших это обещание большевиков. Но даже то, что простой гражданин может узнать на эту тему, он узнает от правительства либо из средств

массовой информации. Первое пристрастно по определению, вторые же руководствуются крайне смещенным с этической точки зрения набором правил, где объективность и честность далеко уступают сенсационности и скандальности, не говоря уже о таком неотъемлемом «рамочном условии» любого коммерческого носителя информации, как необходимость исказить реальность, чтобы соответствовать вкусам, стереотипам и иллюзиям его потребителей. Впрочем, даже тотальная информированность не гарантирует оптимального выбора – иногда в дело вмешиваются принципы («остановим гуманитарную катастрофу в Косово и ради этого разбомбим к черту Белград!»), а иногда – беспринципность («Сомоса, конечно, сукин сын, но это наш сукин сын, и лучше уж он, чем коммунисты»).

Чем более глубокий идеологический кризис поражает современное общество, тем меньше есть оснований ожидать от большинства осмысленных и продуманных взглядов на актуальные вопросы политической повестки дня. Идти на поводу у крайне противоречивого, предвзятого, испуганного, инфантильного общественного мнения – что может быть хуже для правительства, пытающегося отвечать за судьбы нации? Яркий пример для размышлений на эту тему дают результаты опросов об отношении европейцев к иммиграции – темы, на которой сделали себе политический капитал не только вечный оппозиционер Ле Пен, но и влиятельные партии, входившие в правящие коалиции Австрии и Нидерландов. Россияне, кстати, практически сравнялись в своих взглядах на миграцию с западными европейцами – они так же презрительно и подозрительно относятся к таджикам-дворникам, китайцам-крестьянам и украинцам-строителям, как французы – к полякам-водопроводчикам и румынским медсестрам, хотя ни за что в жизни не согласятся работать за те жалкие гроши, на которые претендуют гастарбайтеры, и жить в тех поистине нечеловеческих условиях, с которыми те вынуждены мириться. Экономический крах, который постигнет любую развитую страну в случае прекращения иммиграции, для общественного мнения тоже не очевиден – «это забота правительства, ведь не зря же мы его выбирали»!

Огромное количество вопросов внешней политики просто не интересует большинство граждан (и уровень демократичности политической системы тут ни при чем), что оставляет власть один на один с вызовами внешнего мира. Зато активными действующими силами становятся частные группы интересов, которые формируют и навязывают соотечественникам свою (всегда субъективную!) точку зрения, пользуясь их пассивностью, неинформированностью и незаинтересованностью. По мере распада массового общества, его фрагментации и превращения в мозаичный постиндустриальный социум количество точек зрения только растет – вместе с количеством общественных групп, стилей поведения, образов жизни и мышления, а также видов и средств массовой коммуникации. Таким образом,

правительство чем дальше, тем больше имеет дело не с обществом, а с его отдельными элементами, иногда – принципиальными и альтруистичными, иногда – корыстными и бесчестными. Уровень общественной поддержки внешнеполитических решений теперь должен измеряться не процентом избирателей, согласных поддержать то или иное из них на референдуме или посредством опроса, а согласием с ним заинтересованных малых групп (каждый раз – новых), выраженным посредством используемых ими средств коммуникации (будь то «газета влияния», интернет-сайт или публичная акция).

Приходится признать, что в современной системе принятия внешнеполитических решений общественное мнение выступает, прежде всего, как объект, нежели как субъект. Уровень его вовлечения в процесс выработки таких решений определяется достигнутым уровнем демократического развития страны – причем в силу специфики дипломатической сферы с присущей ей массой деликатных и неформальных аспектов, – механизм их принятия менее демократичен, чем при принятии решений внутриполитического характера. А качество принимаемых решений обеспечивается, прежде всего, независимыми и объективными средствами массовой информации, которые вопреки естественным желаниям правительства и диктату своих частных владельцев призваны освещать важнейшие внешнеполитические вопросы, служить всеобщим информатором и коммуникатором (но ни в коем случае не «коллективным агитатором и пропагандистом»). Но даже в этом случае гарантом общественной поддержки внешней политики служит не «живое творчество масс» (занятых, как правило, совершенно другими и гораздо более интересными для них темами), а активность заинтересованных групп интересов, какими бы узкими и субъективными они ни были.

Общезвестно, что в России общество отчуждено от дипломатии гораздо больше, чем в развитых странах Запада. Виной тому и самодержавно-бюрократические традиции нашего «служилого государства», и стихийный анархизм, тотальная атомизация постсоветского социума, и несформированность, «игрушечность» нашего гражданского общества. Процесс выработки внешнеполитического курса страны ныне крайне персонализирован – фактически он замкнут на президенте России и его самом ближайшем окружении. При этом министерство иностранных дел играет лишь подчиненную техническую роль, даже не скрывая своего второстепенного места в этой иерархии¹. Интересно отметить, что разнологосица, связанная с множественностью «башен Кремля», несмотря на все усилия, до сих пор не ликвидирована. А закрытость процесса принятия решений от публики только расширяет полифонию интерпретаций действий власти, порой совершенно не соответствующих ее реальным замыслам.

Несмотря на это, изучение реакции общества на внешнеполитические шаги власти крайне занимательно. Нынешнее положение

¹ «Лавров: МИД РФ будет строить отношения с Кремлем в соответствии с Конституцией». РИА-Новости, 17 марта 2004 г.

³ «Убежден: большое значение здесь имеет инициативная, самостоятельная роль посольств... От вашей деятельности во многом зависит воплощение результатов политических контактов в реально работающие механизмы сотрудничества. В этом контексте хотел бы сегодня вновь затронуть вопросы, связанные с поступающей от вас информацией. Мы уже не в первый раз говорим о необходимости придать ей более деловой, практический характер... Многие вещи можно решать на месте. Ваша информационно-аналитическая работа по своей оперативности и качеству не должна отставать от требований времени... Руководителям посольств и постпредств не следует выступать исключительно в роли почтальонов и просто механически транслировать в центр запросы партнеров. Любая информация должна рассматриваться, прежде всего, через призму российских интересов и сопровождаться анализом и предложениями». Выступление Президента РФ на пленарном заседании совещания послов

дел не устраивает и самих власть предержащих – отсюда и попытки президента привлечь к стратегическому планированию Государственный совет, и рассуждения о необходимости демократичного и широкого обсуждения внешнеполитических инициатив², и желание оптимизировать работу дипломатического корпуса³. Исследование общественного мнения необходимо для понимания того, насколько коррелируются представления элиты о том, какой курс допустим и возможен в условиях современной России, с установками и реакциями самого населения. Ведь авангардные взгляды и поведение отечественной элиты, уже интегрировавшейся, отдельно от своей страны, в «золотой миллиард», часто удивляют, шокируют или просто отталкивают огромное большинство «старых русских». И наоборот, бывает, что «человек массовый» более трезво и прагматично смотрит на некоторые вещи, походя и без особых эмоций реализуя на практике то, решиться на что не готова консервативная элита, считающая, что «народ нас не поймет».

С точки зрения перспектив развития механизма принятия внешнеполитических решений есть два вектора, по-разному определяющих порядок взаимодействия власти и общества. Первый из них подразумевает постепенно расширяющееся подключение общества к обсуждению стратегических вопросов национальных интересов и внешней политики. Это сложный путь, требующий наличия устоявшегося гражданского общества и системы институтов консультирования власти с обществом, артикуляции групповых интересов (не говоря уже о том, что у нас пока и сама элита еще не научилась вырабатывать общенациональные решения, не ставя под вопрос целесообразность существования страны и ее суверенитет!). В конечном счете, последнее слово все равно остается за элитой, однако решение будет приниматься не закрыто-кейно, а после и в результате обсуждения с группами интересов. Это скорее идеальная модель, не часто встречающаяся в других странах, а тем более в России. Однако отход от нее в странах Европейского Союза, замыкание технократической наднациональной бюрократии в себе и ее оторванность от доминирующих настроений «улицы» привели, например, к тяжелому кризису одного из наиболее успешных интеграционных проектов последних десятилетий.

Альтернативный вариант развития внешнеполитического механизма подразумевает целенаправленное формирование властью общественного мнения как средства легитимации своей политики. Этот путь «сверху-вниз» позволяет сохранить монополию на принятие решений, но требует активной работы с медийным компонентом, в том числе путем формирования того или иного типа национальной идеологии (по сей день отсутствующей, в результате чего попытки обеспечить общественную поддержку решений уже сейчас все время проваливаются как бы в пустоту). Кроме того, подобное информационное оружие является обоюдоострым. В этом смысле нет ничего

и постоянных
представителей
России, 12 июля 2004 г.

⁴ Выдержка из стенограммы пресс-конференции заместителя председателя Комитета по международным делам Государственной Думы РФ Н. А. Нарочницкой. РИА-Новости, 23 августа 2005 г.

⁵ «Зарубежье глазами россиян». Цикл публичных дискуссий «Россия в глобальном контексте». Вып. 8. М., 2002. С. 16.

⁶ Здесь и далее используются данные общероссийских опросов ВЦИОМ 2003-2005 гг., проводимых по национальной репрезентативной выборке в 1600 респондентов в 46 регионах страны. Статистическая погрешность не превышает 3,4%. Для более подробной информации об исследованиях 2004 г. см. ежегодник ВЦИОМ «Как мы думали в 2004 г.: Россия на перепутье». М., 2005.

удивительного в якобы развернувшейся в государствах Европы и США кампании в СМИ по дискредитации России, о которой так любят говорить некоторые российские эксперты⁴. Данные исследований общественного мнения используются противниками страны как доказательства косности российского менталитета, фундаментальной неспособности к восприятию демократических ценностей, агрессивного национализма и ксенофобии, якобы свойственных нынешним россиянам. Наконец, как было уже сказано, такой путь чреват для элиты самообманом, так как мнения экспертов об образе мыслей россиян порой кардинальным образом отличаются от реального состояния общественного мнения⁵.

Открыт вопрос и о качестве самой правящей элиты России, которой, по идее, предстоит сделать выбор между путями развития политической системы. Наравне с повсеместно распространенными в элитной среде установками на необходимость трансформации социально-экономической сферы по западному образцу можно отметить такие опасные особенности наших «элитариев», как нежелание перенимать образцы политического поведения, принятого в демократических государствах, их идеологическую пустоту, космополитизм пополам с идеалистически-имперской ностальгией. Естественно, что подобные противоречивые сигналы передаются общественному сознанию. Процессу формирования устойчивых и непротиворечивых общественных установок мешает разрыв, существующий между эмоциональным и рациональным пластами сознания. За последние годы россияне стали гораздо прагматичнее в своем подходе к вопросам внутренней и внешней политики. Массовые опросы показывают четкую возрастную дифференциацию – новое поколение – в особенности в возрасте 25-34 года – занимает порой жесткую и практичную позицию по большинству проблем, связанных с положением России в мире. Не менее трезво смотрят на вещи и те, кто уже стал или в скором времени станет отвечать за судьбы страны – респонденты в возрасте 35-44 лет. Однако эмоциональные моменты в человеческой природе также «берут свое».

Взаимодействие эмоционального и рационального начал в общественном мнении проявляется очень четко на примере отношения россиян к главной державе современного мира – Соединенным Штатам Америки. С одной стороны, подавляющее большинство респондентов отмечают дружелюбный, добрососедский или нормальный характер российско-американских отношений (68%)⁶. Есть понимание того, что Россия включена в международную антитеррористическую коалицию. Более того, респонденты осознают, что у нашей страны нет сегодня возможностей – ни экономических, ни человеческих, ни военных ресурсов – для соревнования на равных с Вашингтоном. Только 33% верят при нынешнем курсе в возможность обретения Россией статуса одной из ведущих стран мира в течение 15-20 лет. Одновременно поражает та легкость, с которой население откликается

антиамериканизмом на любые поводы, дающие основания сомневаться в справедливом и гуманном отношении США к миру, следствием чего являются удивительные синусоиды, описывающие динамику оценок российско-американских отношений.

<i>Как бы Вы оценили в целом нынешние отношения между Россией и Соединенными Штатами Америки?</i>	2002	2003	2004	2005	Июль 2005
Дружественные	8	7	5	9	12
Хорошие, добрососедские	12	10	7	12	14
Нормальные, спокойные	45	47	36	38	42
Прохладные	18	22	25	22	19
Напряженные	12	7	13	8	6
Враждебные	2	1	4	4	2
Затрудняюсь ответить	3	6	10	6	5

Другой пример противоречивости массового сознания: одни и те же люди называют, например, страны СНГ в числе главных врагов и друзей России⁷. Аналогичным образом они трактуют и вопросы нераспространения оружия массового уничтожения – понимая, что расплозание ядерного арсенала ведет к нестабильности в мире, россияне тем не менее полагают, что Иран, Северная Корея, Индия, Пакистан и т. п. имеют полное право для развития собственных ядерных программ и не должны быть за это наказаны (51%).

Однако, несмотря на все трудности, процесс взаимодействия элит и общества в формировании представлений о внешней политике все же идет. Каковы же особенности видения россиянами места их страны в мире и того, как необходимо строить отношения с ведущими игроками на международной арене? Для начала следует отметить некоторые общие установки. Во-первых, россияне разводят свое отношение к народам, государствам и лидерам, иногда впрочем отождествляя последние два понятия. Вероятно, частично это связано с устоявшимся за годы советской власти стереотипом о государстве, как некоей отчужденной от основной массы людей структуре. Да и сегодня опросы демонстрируют недоверие к большинству органов власти, прежде всего федеральной (за исключением президента).

Эта ментальная конструкция не может не переноситься и на международную сферу. Поэтому, например, россияне очень дружелюбно относятся к американцам (81% как к народу, но лишь 26%) полагают, что отношения между нашими странами столь же хорошие и добрососедские. Более половины хорошо или очень хорошо относились к Грузии в 2003 г., но при этом 61% опрошенных считали, что в российско-грузинских связях сквозит прохлада и напряженность. Около половины респондентов (49%) верят в то, что между

⁷ См., например, Левашов В. «Чувствуют ли себя россияне в безопасности?». Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 4. 2004.

поляками и русскими больше того, что их объединяет, а вот между Польшей и Россией больше того, что разъединяет (42%).

Подобный подход порождает эйфорию или, напротив, крайний пессимизм. Первое было характерно в начале президентского срока Михаила Саакашвили, когда большинство россиян (68%) понадеялись на то, что со сменой режима Эдуарда Шеварднадзе откроется новая эра дружеских отношений между Россией и Грузией. Спустя полгода в июле 2004 г. на смену этому пришло разочарование – только 39% продолжали придерживаться той же точки зрения. Второе выразилось в неприятии фигуры Виктора Ющенко – лишь 11% опрошенных заявили в декабре 2004 г., что отношения с Украиной при новом президенте улучшатся.

Есть еще один, связанный с этим момент, – укорененное «геополитическое» мышление в стиле *Realpolitik*, проявляющееся в недоверии к средствам народной дипломатии и институционального взаимодействия. Проводя аналогию с Россией, население надеется на то, что все решают только лидеры и только государства. Это вполне укладывается в схему, практикуемую элитой, – притчей во языцех стали хорошие личные отношения «друга Владимира» и «друга Герхарда» или «друга Джорджа». Поэтому лишь 37% говорят о том, что саммиты Владимира Путина и Джорджа Буша не приносят ни вреда, ни пользы – все же остальные вполне определились в своих оценках и рассматривают каждое такое событие как важную веху. Все это противоречит международным тенденциям, ибо в мире растет роль «третьего сектора» – неправительственных организаций, транснациональных корпораций и, наконец, даже террористических сетей, а отнюдь не государств. Более того, в демократических странах руководители исполнительной власти являются все более зависимыми от других ветвей власти и общественного мнения. По динамизму и адекватности восприятия происходящего в мире россияне проигрывают, а непонимание диктует возникновение фобий – по поводу ли «оранжевого Майдана» в Украине или поводу поведения Польши, якобы поющей исключительно под американскую «дудку», чтобы навредить России.

Во-вторых, внешняя политика есть продолжение внутренней ситуации. Годы экономических реформ привели, с одной стороны, к резкому снижению уровня жизни населения и общей мощи страны, породили массовое недовольство населения, ощущения обиды и тотальной несправедливости. С другой стороны, в результате рыночных преобразований появилась устойчивая прослойка людей, которые занимают активную жизненную позицию, амбициозны и сумели приспособиться к переменам. В итоге пока неадаптанты (люди с низким уровнем образования и доходов, принадлежащие к старшим возрастным группам, обычно старше 45 лет) открепиваются от сближения с Западом, по указке которого «демократы развалили великую страну», молодые и высоко обеспеченные россияне, напротив,

считают себя коренными европейцами. Они готовы поддержать политиков, которые будут стремиться к скорейшему вхождению России в западную цивилизацию, и даже не исключают для себя возможность проголосовать на гипотетическом референдуме за вступление страны в Евросоюз. Они начинают разделять схожие, а иногда и еще более либеральные ценности, что и европейцы, и хотят гордиться своей страной, а не воспринимать ее «сатином» или «рогожкой». Они привыкли жить в мире циничного капитализма и ценят агрессивность, целеустремленность, материальные блага и индивидуальные свободы, а отнюдь не патерналистские иллюзии «добротного государства, которое обо всех позаботится».

Третий фактор, о котором стоит сказать, связан с медленно идущим процессом формирования новой российской гражданской и национальной идентичности. Большинство опрошенных считают себя россиянами, гражданами России (48%). Причем они готовы к подобной идентификации и вовне (44%), в то время как 41% скорее идентифицирует себя по признаку крови (русский или представитель другой национальности), а не почвы. Национализм постепенно становится все более значимым фактором, определяющим отношение россиян к тем или иным явлениям, тем более что процентное соотношение русских в составе населения России неуклонно увеличивается – почти 80%, согласно переписи 2002 г. Опросы показывают зависимость между ростом доходов и усилением националистических взглядов. Сам по себе рост национального самосознания не плох, если бы не угрозы экстремизма и ксенофобии, замешанные на «квасном патриотизме». С 1998 г. почти в полтора раза выросло число сторонников лозунга «Россия для русских» (с 30 до 43%), из которых 16% разделяют его безо всяких оговорок. Налицо и растущая поляризация – уменьшение доли «мягких» националистов за счет «интернационалистов» (48%) и «русифилов» (16%).

В-четвертых, курс на прагматизм, декларированный президентом Путиным еще в 2000 г., принес свои плоды. Большинство россиян сегодня настроены крайне негативно к любым проявлениям «благотворительности» в отношении соседей по СНГ или других государств. В частности, они предпочли бы использовать более дешевые гуманитарные инструменты для объединения (общая культура, историческое прошлое и т. п.) на постсоветском пространстве, нежели экономические уступки. Они совершенно оправданно опасаются большего проникновения товаров и рабочей силы даже из стран Единого экономического пространства (ЕЭП), заявляя о необходимости ограничений и возможной конкуренции⁸. Россияне не всегда теперь поддаются и на пропаганду. 53% респондентов, например, практически считают, что в основе событий в Андижане мая 2005 г. лежат социально-экономические причины, а отнюдь не деятельность исламских радикалов (12%).

⁸ См. результаты 3-й волны исследования «Евразийский монитор», проводимого в странах ЕЭП в журнале «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены». № 2. 2005.

Неудовлетворенность россиян нынешним уровнем и качеством отношений со странами СНГ привела уже к формированию такого феномена, как новый российский изоляционизм. Постепенно получает распространение принцип отношения к внешнему миру, который можно сформулировать так: не вмешивайтесь в наши внутренние дела, а мы не будем мешать вам и всегда договоримся по спорным вопросам, мы все меньше хотим вовлечения своей страны в конфликтные ситуации за рубежом, даже если речь идет о событиях, происходящих вблизи непосредственных границ. Половина опрошенных предпочитают тактику нейтралитета и невмешательства в Приднестровье или Южной Осетии, демонстрируют отстраненность от событий в Узбекистане или Киргизии. В целом около 60% полагают, что России вообще не следует доминировать на пространстве бывшего СССР, а надо относиться к этим странам как к любым другим. Аналогичным образом формируется и представление о задачах российских вооруженных сил. Большинство опрошенных (60%) в отличие от министра обороны, полагают, например, что флот необходим стране для защиты ее морских рубежей, а отнюдь не для ударного позиционирования на мировой арене и «защиты национальных интересов» (36%) на просторах всего Мирового океана. 55% россиян видят в военных базах за рубежом не инструмент давления на другие страны, а форпосты для защиты страны на дальних подступах.

Итак, налицо диссонанс между растущими амбициями россиян и медленно изменяющимися возможностями влияния на мировые процессы. Все это, помноженное на не всегда адекватное восприятие происходящего в других странах, ведет к разочарованиям и возрождению на новой основе былых комплексов. В определенном смысле Россия вновь оказалась на перепутье, хотя очевидно, что это уже новый виток спирали, а не топтание на месте, характерное для эпохи Бориса Ельцина. Годы, прошедшие под президентством Владимира Путина, не прошли даром – сформировался общественный консенсус, и более половины (51%) поддерживают внешнюю политику, видят в ней укрепление позиций России в мире, отмечают рост самостоятельности нашей страны. Используя свою популярность, президент в первые годы правления сделал много для изменения имиджа Запада в глазах населения, способствовал укреплению прагматизма и геоэкономических подходов. Но стабильность, как известно, не может быть лозунгом развития и имеет ограничения на использование. В итоге она перерастает в нерешительность и неопределенность, что не устраивает как минимум половину общества (44%), которая желает радикальных перемен и динамичного развития.

Таким образом происходит переосмысление роли России. Однако это двунаправленный процесс, в котором оба вектора имеют приблизительно равное значение. Первая тенденция заключается в том, что население и элита продолжают грезить о глобальном статусе нашей страны. Только 7% полагают, что нет необходимости стремиться

к таким целям. Основная же масса хотела бы видеть Россию в кругу 10-15 ведущих держав мира (38%) или в роли сверхдержавы (34%), наподобие СССР. Несмотря на определенный рост числа сторонников Советского Союза (с 20% до 30% по разным опросам), видно, что ностальгия носит некий умозрительный характер, вызванный, в том числе и пропагандистской волной вокруг празднования 60-летия Победы. Она характерна для низкодоходных групп и старших возрастов, в то время как молодые и обеспеченные не жаждут затратного статуса сверхдержавы. Но даже апологеты СССР осознают, что возврат в прошлое уже не возможен, поэтому для них это скорее тоска по величию и уважению к России со стороны остального мира.

Правда, пропуском в этот клуб мировых лидеров служит, по мнению россиян, отнюдь не военная мощь (44%), а эффективная экономика (64%) и высокий уровень жизни населения (56%). Духовноидеологические аспекты уходят в современном мире на второй план. Так, еще 23% опрошенных полагают, что для обретения великодержавности России необходимо возродить культуру и национальный дух, а 19% видят залог величия в соблюдении демократии и прав человека. Ну, и в последнюю очередь респонденты говорят о неких масштабных геополитических проектах – лидерстве на постсоветском пространстве (14%), способности регулировать международные конфликты (11%), «цивилизационном посредничестве» между Европой и Азией (7%).

Как видим, россияне отошли от милитаризма советских времен в пользу других моделей. Это проявляется, например, в отношении к ядерному оружию. Большинство респондентов придерживаются принципа разумной достаточности, полагая, что ядерное «наследство» СССР должно быть сокращено, но так, чтобы можно было гарантировать национальную безопасность страны (39%). Еще четверть (23%) предлагают не предпринимать никаких специальных мер по укреплению ядерного щита, оставив все как есть, тем более что по российско-американским соглашениям количество ядерных боеголовок к 2012 г. и так должно уменьшиться почти в три раза по сравнению с советскими временами. При сравнении с данными 1999 г. становится очевидна кардинальная смена отношения россиян к ядерному оружию. Если тогда 46% выступали за сохранение неизменности советского «наследия», и лишь 23% – за сокращение, то сегодня картина изменилась с точностью до наоборот.

По мере укрепления экономики страны растет желание усилить ее вес и на международной арене, компенсировать ту слабость, которая была характерна для страны все последние годы после окончания «холодной войны». Но сила эта заключается не в «бряцании оружием», как к тому призывают некоторые представители российской элиты, а скорее в выстраивании сетей взаимодействия – экономического и культурно-идеологического, – которые делали бы страну

привлекательной и давали гражданам возможность испытывать чувство гордости за Россию. В целом это вполне вписывается в европейскую традицию, однако опыт Китая и его взаимоотношений с США и остальным миром показывает, что такая концепция работает и в других регионах. Россияне склонны все же к сотрудничеству с международным сообществом, хотя порой их стратегия напоминает подходы «соседа по коммунальной квартире», некоего троянского коня – взаимодействуя, влиять изнутри и попытаться изменить политику того или иного государства или межстранового объединения. Особенно четко это проявилось, например, в отношении НАТО.

⁹ «Зарубежье глазами россиян». Цикл публичных дискуссий «Россия в глобальном контексте». Вып. 8. М., 2002. С. 13.

В то же время существует и вторая тенденция. Запрос на повышение роли России в мире был связан с динамичным экономическим ростом в начале десятилетия и событиями 11 сентября. Взрывы в Нью-Йорке показали населению нашей страны, что Америка отнюдь не всемогуща⁹. Неудачи США в Афганистане и Ираке лишь укрепили их в этой мысли. Серия терактов, прогремевших в Европе в последние два года, также убедила большинство опрошенных (58%), что и европейские власти не в состоянии эффективно противостоять этой угрозе и защитить своих граждан от новых атак терроризма. Следовательно, на фоне этой слабости россияне увидели для себя возможность укрепления собственных позиций. Однако по мере того, как экономический рост, основанный на нефтяной зависимости, выдыхался, а влияние США и ЕС, прежде всего, на постсоветском пространстве, увеличивалось, начала происходить переоценка ценностей. Как уже отмечалось, лишь небольшая часть населения надеется на восстановление мощного статуса страны. 41% считают эту задачу невыполнимой в течение ближайших 15-20 лет, и только 13% видят в сегодняшней России великую державу.

¹⁰ Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию РФ, 16 мая 2003 г.

Процесс превращения России в региональную державу в последние годы несколько ускорился. Намек на такую трансформацию сделал еще президент Путин в мае 2003 г., обращаясь к Федеральному собранию РФ¹⁰. Страна к вящему неудовольствию значительной части элиты постепенно отходит с тех позиций, порой довольно непоследовательных, которые она занимала в отношении стран бывшего СССР. Более того, в отличие от политиков россияне не строят иллюзий и по поводу глобальных проектов с участием России. Так, только четверть опрошенных полагают, что РФ стала полноправным членом «восьмерки», а 41% придерживаются противоположной точки зрения. С 70% до 58% по сравнению с 2001 г. снизилось число тех, кто хотел бы, чтобы страна оставалась в этой организации. Причем те, кто считает, что Россия на равных в «восьмерке» с другими государствами, объясняют это постоянным членством в Совете Безопасности ООН (20%), мощными вооруженными силами, в том числе ядерными (19%), т. е. фактически заслугами прошлого. Лишь 5% респондентов отметили высокий уровень развития науки, образования и культуры, 1% – уровень экономического развития.

Тенденция к замыканию России в собственных пределах, заикливание на собственных проблемах, в крайнем случае, на ситуации в «ближнем зарубежье» отражается и в таком явлении, как снижение интереса наших респондентов к внешней политике в целом. Для них существуют, как правило, несколько крупных объектов (США, ЕС, СНГ, Китай, Украина, Белоруссия, Казахстан), о которых у людей есть определенные суждения (впрочем, часто основанные на еще школьных стереотипах или дежурных сообщениях СМИ). Параллельно есть целые зоны, которые не представляют никакого интереса, хотя элита постоянно обсуждает отношения России с этими регионами.

Классические примеры – Центральная и Восточная Европа, Центральная Азия и в меньшей степени Кавказ. Значимость этих районов для нашей страны по мере ее превращения в региональную державу, безусловно, возрастает. Именно они оказываются в центре внимания реальных игроков мировой политики, именно они постепенно становятся приоритетными направлениями и для России. Однако для большинства населения это по-прежнему периферия, о которой недостаточно информации, а потому с которой можно не очень сильно и считаться. После ухода России с Балкан и снижения накала страстей по поводу Косово, для большинства россиян этот регион перестал представлять какой-либо интерес. Другой пример – опрошенные с трудом вспоминают лидеров стран Центральной Азии (за исключением глубоко дружественного Казахстана) или Восточной Европы (за исключением союзнической Белоруссии или друга-соперника Украины). При этом имена западных политиков (Буша, Шредера, Ширака) и восточноевропейских политиков прошлого (Ярузельский, Живков, Хоннекер и т. п.) называются бойко и безошибочно. Не в состоянии россияне оценить и степень дружественности-враждебности проводимой большинством стран СНГ политики в отношении России, в то время как характеристика связей с США, Китаем или Германией таких затруднений не вызывает. Вероятно, в этом виноват и двойственный характер политики самих стран СНГ, однако это лишь немногие примеры, говорящие о том, что налицо игнорирование целого ряда регионов планеты российским общественным мнением.

Еще одно подтверждение факта осознания слабости России и ее перехода в модус региональной центра силы – «мельчающие» соперники. Один из недавних опросов показал, что наиболее недружественными россияне считают Латвию, Грузию, Украину¹¹, т. е. те страны, чьи размеры и степень влияния в мире крайне ограничены, но в которых сосредоточены реальные «болевые точки» для нынешней России.

Небезынтересно и то, в каком же направлении дрейфует Россия. У исторической дискуссии между «западниками» и «славянофилами» сегодня открылось второе дыхание. И все же пока очевидно,

¹¹ Лукьянов Ф.
«Скажи мне,
кто твой враг».
Известия. 16
июня 2005 г.

что, несмотря на раскол в общественном мнении по этому поводу, российская политика является ориентированной на Запад. Именно там находится основная «референтная группа» для российского руководства, а любые движения страны на восточном направлении пока диктуются скорее не самостоятельной логикой, а логикой развития отношений с глобальными игроками – США и ЕС. Очевидно, что экономика России также целиком зависит от Запада. Он является основным потребителем сырья, его менеджерский опыт переносится на отечественную почву, его институты и механизмы копируют современный бизнес и современное политическое сообщество, его ценности и свободы медленно обретают все большее число сторонников, прежде всего, среди молодого поколения и средне- и высокодоходных групп. В конце концов, на Западе сосредоточена и финансовая мощь российской элиты, вывезенные ею из России капиталы¹². Поэтому не случайно, что 40% опрошенных готовы поддержать те политические силы, которые выступают за скорейшее вхождение России в западную цивилизацию; 37% считают, что критика Запада после Беслана вполне справедлива; столько же опасаются, что «дело ЮКОСа» приведет к осложнению отношений России и Запада и т. п.

¹² Земляной С. «Россия после олигархов». Политический журнал. №27. 15 августа 2005. С. 5.

При этом следует понимать, что Запад, несмотря на всю условность этого термина, все-таки в большей степени ассоциируется с Соединенными Штатами. И здесь начинают играть свою роль не только вышеозначенные представления и «парадная любовь» к Вашингтону в сезоны затишья в российско-американских отношениях, но и негативные моменты. Это запрятанное вглубь недоверие, стереотипы времен «холодной войны», недовольство сегодняшней агрессивной политикой США по всем направлениям. Поэтому 52% серьезно опасаются распространения влияния США на постсоветском пространстве. 62% полагают, что акция США в Ираке – это преступление против иракского народа, а 33% ратуют за вывод американских баз из Центральной Азии. Однако исследования показывают, что прямого противостояния с Вашингтоном россияне бы не хотели.

¹³ «Прежде всего, Россия была, есть и, конечно, будет крупнейшей европейской нацией. Выстраданные и завоеванные европейской культурой идеалы свободы, прав человека, справедливости и демократии в течение многих веков являлись для нашего общества определяющим ценностным ориентиром». Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию РФ, 25 апреля 2005 г.

Если бы в качестве ориентира в западном векторе развития стоял Европейский Союз, то подход был бы принципиально иным. Действительно, несмотря на заявления Владимира Путина¹³, только 2% россиян идентифицируют себя как европейцы. Только 12% в качестве аргумента за вступление в ЕС называют духовную и культурную близость с Европой – этим россияне, кстати, отличаются от жителей стран Центральной и Восточной Европы, которые стремились не только к экономическому благополучию, но и к возврату в «семью» европейских народов. Для большинства респондентов внутренние механизмы работы ЕС по-прежнему остаются загадкой, поэтому почти две трети опрошенных не в состоянии оценить конкретные положительные или отрицательные последствия расширения

Евросоюза. И все же общий фон настроений гораздо более благожелательный. Более того, по сравнению с эйфорией 2002-2003 гг., отношение россиян к Европе выровнялось и стало более взвешенным.

51% опрошенных полагают, что России следует стремиться к вхождению в Евросоюз, из них 22% уверены в этом полностью. 28% россиян придерживаются противоположной точки зрения и не считают, что нашей стране необходимо членство в Евросоюзе. Наиболее последовательные сторонники вхождения России в объединенную Европу – молодые россияне в возрасте до 24 лет. Приблизительно такое же число опрошенных (49%) готовы проголосовать поддержать членство России в ЕС на гипотетическом референдуме. Среди аргументов в пользу такого шага выдвигаются экономические выгоды, в том числе, с точки зрения развития российской науки и инфраструктуры (23%), нежелание «остаться на обочине» интеграционных процессов (19%), стремление выровнять уровень жизни населения и степень защиты прав человека по европейским стандартам (18%).

Несколько сглаживает этот позитив осознание того, что Россия еще очень далека от полного вступления в Евросоюз. Респонденты скорее оценивают ее шансы на «двойку» и «тройку» (41%), а число оптимистов составляет те же 22%. И здесь четко прослеживается следующая тенденция: общим долгосрочным вектором должно стать сближение с Европой, но о конкретных его формах на современном этапе можно спорить. В последние два года почти не меняется соотношение процентов в триаде «полноправное членство – партнерство без вступления – никакого сближения, т. к. нас никто не ждет в ЕС» (33-35%, 25-30% и 16-20% соответственно).

А как же отношения на восточном направлении? Насколько велика вероятность попадания России в ловушку американо-китайского соперничества, о которой столь часто последнее время говорят эксперты? Отношение населения к Китаю во многом реплицирует установки российской элиты, различаясь лишь в некоторых нюансах. Большинство респондентов позитивно оценивают нынешнее состояние российско-китайских отношений, прежде всего в политической сфере. В этом смысле они полностью разделяют настрой на стратегическое партнерство и «дружбу против», прежде всего, против однополярности. 40% полагают, что отношения с КНР сегодня нормальные и спокойные, а 34% считают их дружественными и добрососедскими. За последнее десятилетие 28% изменили свое мнение о Китае в лучшую сторону – прежде всего, это восхищение растущей экономической мощью страны, начинавшей практически «с нуля», успехами реформ и противодействием диктату США. 56% видят в Китае союзника и партнера России, и только 4% – врага. Аналогичный прогноз россияне делают и на будущее – в XXI веке Китай им видится скорее дружественным, близким государством (48%) нежели опасным соседом-конкурентом (25%) или врагом (6%). В регионах,

близких к КНР, – Сибири, Дальнем Востоке – мнения более поляризованы (41-44% против 37-44%), ведь там жители могут оценить восточного соседа уже не понаслышке.

Исходя из столь положительных оценок, в гипотетическом конфликте между США и Китаем 36% населения готовы поддержать Пекин, и только 21% опрошенных – Вашингтон. Наибольшее число сторонников КНР отмечено в Москве и Санкт-Петербурге (64%) и в Центральном федеральном округе (45%). Проамериканская позиция чаще встречается среди все тех же жителей Сибири и Дальнего Востока, где доли поддерживающих США (34-37%) превышают число сторонников Китая (25-30%).

Казалось бы, будущее российско-китайских отношений безоблачно. Однако общественное мнение меняется кардинальным образом, когда речь идет о конкретных формах взаимодействия, выходящих за пределы дипломатического и политического сотрудничества. 66% россиян считают скорее опасным привлечение китайских фирм и работников для освоения богатств Сибири и Дальнего Востока. Отрицательно они настроены и в отношении роста числа товаров из Китая (62%), приобретения китайскими бизнесменами собственности в России (82%), увеличения числа китайских рабочих на российских предприятиях (81%). Практически две трети выступают за введение различных ограничений для китайцев в этих сферах. Разумеется, это можно объяснить растущим изоляционизмом россиян и нежеланием создавать дополнительную конкуренцию для собственного бизнеса (в конце концов, почти половина опрошенных выступают за введение аналогичных мер и в отношении товаров, инвестиций и рабочей силы из стран Единого экономического пространства)¹⁴. Однако очевидно, что россияне хотели бы сохранить отношения с КНР на нынешнем дружественном уровне, взаимодействовать с Пекином для выстраивания баланса сил в мире и укрепления позиций России через многополярность, но – в отличие от ситуации на европейском направлении – не хотели бы чрезмерного углубления такого сотрудничества, ибо осознают прогрессирующую слабость России в сравнении с быстро усиливающимся Китаем.

Отметим в заключение, что российское общественное мнение и значительная часть элиты, причастной к формированию внешней политики нашей страны, по-прежнему, живут в реалиях прошлого века. Причем политический класс, похоже, даже отстает в своих представлениях от быстро меняющегося общества. Действительно, и руководство, и население стремятся обрести затратный великодержавный статус, ориентируясь на былое величие страны. Однако их мнения по поводу средств достижения этой цели разнятся – россияне не склонны сегодня к демонстрации силы или поддержанию дряхлеющих институтов, наподобие ООН, а хотели бы ускоренного экономического роста. Россиянам начинают претить досужие рассуждения о геополитике – в конце концов, большую территорию и наличие

¹⁴ См. упоминавшееся выше исследование «Евразийский монитор».

ресурсов сегодня называют в качестве признака величия лишь считанные проценты респондентов. Население плохо представляет себе и географию этих зон влияния, в частности лишь на эмоциональном уровне, судя об отношениях с большинством стран СНГ, ЦВЕ и даже с США. В то же время оно склонно переключиться на продвижение экономических интересов, в том числе и через оказание давления на недружественные режимы на постсоветском пространстве.

И российским лидерам, и избирателям вскоре придется осознать, что в новом веке влияние страны зависит не от ядерного щита, на который расходуется до половины государственного оборонного заказа¹⁵, не от настойчивого желания противостоять чему-либо и навязывать свою волю, и даже не от возможности поддерживать нефтяную и газовую зависимость других партнеров (будь то ЕС или СНГ). Подлинное место на международной арене зависит сегодня от способности стать полноправным и предсказуемым участником формирования миропорядка и новых глобальных правил игры. И для этого не обязательно быть участником всех крупномасштабных геополитических проектов или сверхдержавой – подобные задачи можно решить и нужно начинать решать на региональном уровне, с выстраивания нормальных отношений с соседями.

Более того, в нынешних условиях уже не существует дихотомии «Восток-Запад» или «Европа-Азия». Ни один из этих «субъектов» не является целостным, обладает лишь крайне ограниченным набором объединяющих характеристик, показатели которых разнятся от страны к стране. Восток или Азия сегодня – это стремительно, но с диспропорциями развивающийся Китай, информационные, ядерные и космические технологии Индии, нищета Мьянмы или Непала и вестернизирующееся японское общество. Единый Запад – это тоже миф, учитывая трансатлантические противоречия и разницу в подходах к экономическому развитию и внешней политике у ЕС, США и, разумеется, внутри самого ЕС.

Сегодняшний мир скорее характеризуется дихотомиями «системное – не системное», «управляемое – хаотичное», «структурное – сетевое». И эти плоскости объективно должны предопределять и поиск Россией своих союзников и партнеров на международной арене. Не консервировать старые представления, а довести более адекватные современности идеи и взгляды до общественного сознания, начать широкий и последовательный диалог с ним по вопросам национальных интересов и внешнеполитической стратегии, признать правомерность существования множества разнонаправленных групп интересов и научиться интегрировать их в систему принятия государственных решений – такая задача стоит сегодня перед российским политическим классом.

¹⁵ Около 50% российского государственного оборонного заказа (т. е. из 187 млрд. руб.) в 2005 г. будет израсходовано на поддержание и совершенствование ядерной триады страны.
РИА-Новости. 30 декабря 2004 г.